

УДК 141.78 130.121

Борис Михайлович Лепешко*д-р ист. наук., проф., проф. каф. философии и экономики
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина***Borys Lepieszko***Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Philosophy and Economics
of the Brest State A. S. Pushkin University**e-mail: borys.lepieszko@tut.by***О НОВЫХ ЯВЛЕНИЯХ В ФИЛОСОФИИ КУЛЬТУРЫ: МЕТАМОДЕРНИЗМ**

Исследуется природа феномена современной философии культуры – метамодернизма. Анализируются основные категории данного явления, связанные с логикой развития постмодернизма в целом. Раскрывается суть подходов, связанных с дефинициями «колебания», «между», «бинарность», «культура чувства». Показано решение основных проблем при обращении к конкретным явлениям культуры. Рассматривается широкий контекст философских, культурологических феноменов, связанных с кризисом современной западной философии культуры.

Ключевые слова: философия культуры, постмодернизм, метамодернизм.

About New Phenomena in the Philosophy of Culture: Metamodernism

The author examines the nature of the phenomenon of modern philosophy of culture – metamodernism. The main categories of this phenomenon related to the logic of the development of postmodernism as a whole are analyzed. The essence of the approaches associated with the definitions of «fluctuations», «between», «binary», «culture of feeling» is revealed. The solution of the main problems referring to specific cultural phenomena is shown. The article considers a broad context of philosophical and cultural phenomena related to the crisis of modern Western philosophy of culture.

Key words: philosophy of culture, postmodernism, metamodernism.

Введение

Назвать в целом «новым» метамодернизм, о котором пойдет речь в статье, было бы, видимо, слишком смелым. Во-первых, потому что это во многом (генетически) все же привычный постмодернизм, а во-вторых, теоретики ведут о нем речь начиная с 70-х гг. прошлого века. Но все же мы назовем его новым явлением в философии культуры. Причины очевидны: «За самим словом стоит если не полноценная философия, то хотя бы вполне любопытная концепция актуальной культуры, имеющая право на существование» [1, с. 91]. Так характеризует метамодернизм один из его адептов российский исследователь А. Павлов.

Главная цель статьи и заключается в том, чтобы продемонстрировать то новое, чем предлагают метамодернисты обогатить философию в целом, философию культуры в частности. Но актуальность обращения к теме метамодернизма может быть и несколько иной. Эту цель хорошо выразил известный исследователь К. А. Свасьян, который в работе «Феноменологическое познание» заметил: «Историко-философский пласт должен рассматриваться как некая подспудная эластичная опора, отталкивающая со-

держание в непосредственную атмосферу общефилософских рефлексий» [2, с. 9]. Кажется, что обращение к современным новым явлениям в области философии культуры и может быть анализом содержания актуальных явлений культуры в аспекте общефилософских рефлексий.

Нельзя отрицать и того, что метамодернизм предлагает целый ряд новаций, которые верно отражают кризисные явления современной западной культуры; правда, с выводами авторов, придерживающимися этого направления в философии, можно и нужно спорить. И первое, о чем надо сказать, это о самом ключевом термине.

О термине

В первом приближении назовем три главные особенности данного термина. Это «колебания», это предикат «между» (префикс, по выражению метамодернистов) и «бинарность». Это близкие существенные черты. Что, в частности, значит «колебания между иронией постмодерна и искренностью модерна» (выражение автора предисловия к текстам А. В. Павлова)? Это значит, что отрицается всеобщая устойчивость, динамичное равновесие, что мир «колеблет-

ся» не просто постоянно, а ежесекундно и обнаружение любых устойчивых связей представляет собой непосильную для любого исследователя задачу. В данном случае «колебания» – это важнейший методологический принцип. Заметим, насколько сложен для понимания и адекватной оценки данный существенный признак. Как понять «иронию постмодерна»? И модерн что, обязательно искренен? «Во-вторых, метамодернизм содержит префикс «мета», что означает сразу три модуса. Для авторов эпистемологического метамодернизма он располагается наряду с постмодернизмом, онтологически между постмодернизмом и модернизмом и исторически после постмодернизма» [1, с. 19]. Признается, что перед нами «сырая концепция», уязвимая для критики. Но все меняет сверхзадача: предложить новую концепцию культуры, причем эта новая версия должна выглядеть методологически доминантной. Здесь и в самом деле много предпосылок для критики. В частности, выдвижение категории «между» мало что дает нам. Всю историю философской мысли можно представить при помощи этой дефиниции. Маркс – «между» Гегелем и Фейербахом. Владимир Соловьев – «между» теоцентричным богоискательством и вполне добротным синкретическим реализмом. Тогда, быть может, разгадка в новой концепции культуры? Но и здесь разочарование: все сводится к «новому договору по истории». После трудов Ф. Фукуямы сказать что-то новое по поводу кризиса истории сложно, да и авторы-метамодернисты это признают. Вводится категория «структура чувства», но что это такое, понять сложно. Структура чувств (самая распространенная точка зрения) – это специфическое свойство социального опыта. Обратим внимание, что определение лишается качественной определенности, поскольку нет существенного признака этого самого социального опыта. Получается, нет и самой дефиниции. Есть слова, которые могут иметь любое (нужное автору, интерпретатору) содержание.

В-третьих, любое явление можно и нужно рассматривать «бинарно», т. е. видеть в нем, как минимум две стороны, которые, во-первых, могут трактоваться совершенно различным способом и, во-вторых, отношения между которыми далеки от комфорт-

ных. Метамодернизм – это некая смысловая двузначность. Причем недостаточно фиксировать бинарность мира явлений и фактов, важно понимать их обязательность, говоря марксистским языком, их объективную необходимость.

Что это дает нам? Во-первых, метамодернисты претендуют не просто на новое «прочтение» современной культуры или современного капитализма. Данные категории призваны восполнить наши пробелы в понимании собственно философских проблем, например, проблем эпистемологии. Правда, надо сразу же заметить, что у различных авторов эпистемологическая проблематика может выдвигаться на первый план, а может вообще отрицаться ее значение. Вообще разноречивые суждения достаточно велики. Во-вторых, нельзя отрицать пронизательность в осмыслении ряда современных явлений культуры, о которых речь пойдет впереди. В-третьих, мы говорим об особой логике развития философского знания, в основе которой речь идет о поиске совершенно иных (в отличие, скажем, от классического марксизма) принципах понимания социального процесса.

Следует отметить, что основные идеи метамодернизма заимствованы из трудов известного теоретика Фредрика Джеймисона [3]. Здесь же упомянем три основные категории методологии Джеймисона: историчность, аффект и глубина. Собственно, основной труд западных теоретиков постмодернизма, переведенный на русский язык в 2020 г. и названный «Метамодернизм», имеет подзаголовок «Историчность, аффект и глубина после постмодернизма» [1]. Кажется бы, историчность, аффект и глубина и есть существенные признаки метамодернизма. Но на это можно возразить указанием на то, что Ф. Джеймисон – один из теоретиков постмодернизма в целом и здесь достаточно сложно провести некий раздел между «старыми» и «новыми» его понятиями. Возможно, именно поэтому вводится еще одна важная категория, позволяющая понять специфику метамодернизма. Это так называемая «культура чувства».

Культура чувства

Редакторы сборника «Метамодернизм» Р. ван дер Аккер и Т. Вермолен также пытаются дать определение метамодер-

низма – с этой целью, как уже отмечалось, вводится термин «культура чувства». Метамодернизм и представляет собой культуру чувства, возникшую в 2000 гг. и ставшую доминантной логикой западных капиталистических обществ. Термин известен с 1970 г., когда стали публиковаться попытки объяснить новые тенденции в литературном творчестве. Однако если попробовать найти некие общие культурные матрицы метамодернизма, даже локальные, применительно к литературному творчеству, то нас ждет разочарование. Преобладают такие категории, как «скользкие характеры», «противоречия», привычные «колебания» и т. п. Кстати, «колебания», как и префикс «между», как мы уже отмечали, не случайные слова. Они отражают суть метамодернизма: ничего устойчивого, постоянная динамика, меняющаяся «структура чувств». Скажут: но это и есть постмодернизм. Да, вне всяких сомнений. Тогда вновь возникает вопрос о качественном своеобразии метамодернизма. И искать это качественное своеобразие необходимо именно в меняющейся структуре «культуры чувств». И опять мы сталкиваемся с констатацией того, что структура чувств – «туманная концепция». Культура чувств у одних – привычная надстройка в марксистском духе, у других – некая культурная стратегия, у третьих – просто эмоции.

Здесь, очевидно, требуется небольшое отступление. Дело в том, что «культура чувств» несет в себе некий позитивный смысл, и с помощью этого термина можно объяснить многообразные и разнородные явления культуры. Ведь одно дело, скажем, реалистические работы Э. М. Ремарка и совсем другое – труды М. Фуко. Их сложно сопоставить не в хронологическом смысле, не в содержательном аспекте, а именно с точки зрения различного «чувствования» эпохи. В этом аспекте любой автор может предложить оригинальную концепцию собственной «культуры чувств» и защищать ее с помощью различных художественных средств. Очень удобно, что и говорить.

Парадокс в том, что «туманность» категории – это то, что востребовано, что необходимо. На «туманности» основан метамодернизм. Определение соответствующее: «Культура чувства – это элемент культуры, который очерчивает ее пределы, но кото-

рый нельзя свести ни к одному из ее отдельных ингредиентов» [1, с. 54]. И какова альтернатива? Простая: опыт жизни на определенном этапе или на определенном пространстве. Поэтому поиск концептуальных основ социального бытия, и в основе лежит культура чувств. Психологические метания главного героя – культура чувств. Существенные изменения в политике, экономике имеют своим основанием именно культуру чувств (элиты, лидеров). Здесь, на наш взгляд, есть как позитивная, так и негативная составляющая. Позитивная связана с пониманием того простого факта, что литературный герой (в частности) помещен в определенную среду и есть следствие этой среды. Здесь не избежать влияния многообразных факторов, формирующих поведение личности, выбор идеалов и целей. Негативная сторона базируется на том очевидном факте, что в такой постановке вопроса мало нового, так проблема ставилась во многих философских системах. Достаточно вспомнить в этом аспекте французский материализм XVIII в. и, позже, марксистские эссеисы. Негативный контекст многие авторы пытаются минимизировать с помощью категории «историчность».

Историчность

«Режим историчности можно определить как специфическую модальность, в которой человек предстает перед самим собой через пребывание в истории» [1, с. 85]. Это пишет Робер ван Аккер. Заметим, что с точки зрения классической аристотелевской логики это пресловутый «порочный круг»: определение одного термина с помощью близких по содержанию категорий. А как иначе понять историчность с помощью пребывания в истории? В целом имеет смысл заметить, что существенных признаков при анализе тех или иных определений в рассматриваемых текстах мало. Хотя – какая такая аристотелевская логика востребована в трудах постмодернистов?

Между тем нельзя отказать в проницательности двух замечаний автора. С одной стороны, он говорит, что капитализм достиг своих пространственных пределов – ему некуда дальше расти. Последние события, связанные с развалом СССР, – завершение этого процесса. С другой стороны, культура полностью поглощена логикой по-

требления. Вроде ничего нового, но это дает возможности для различных интерпретаций, развития мысли. В частности, возникает мысль об «ухудшении смысла истории». Поэтому мы воспринимаем происходящее с помощью категорий метамодернизма «между» и «наряду с». Настоящее есть сложное состояние между прошлым и будущим, связанное опять-таки и с кризисом постмодернизма, и с непонятным концептуальным «прочтением» будущего. В итоге предлагается «анализ мультинатяженных нарративных структур, составляющих режим историчности метамодерна в современной культуре, бросающийся в погоню за прошлыми вариантами будущего, чтобы превратить настоящее в прошлое будущего» [1, с. 90]. Сложно оценить приведенное высказывание с сугубо рационалистических позиций, да и в этом нет никакой необходимости. Перед нами типичный пример постмодернистских ухищрений, когда за набором трудно понимаемых фраз должно угадываться интерпретационное многообразие. Читающий волен «додумывать», что означает один термин и как понять иной. Тогда встает вопрос о необходимости цитирования подобных фраз: есть ли в этом всем позитивный эвристический смысл? Склонен полагать, что есть. Это смысл сводится, во-первых, к разочарованию существующими культурологическими концепциями. Таким образом, «изобретения» метамодернизма неслучайны, они отражают логику разочарования в действующих концептах. Даже если это разочарование спрятать за префиксом «между». Во-вторых, сознательная бессодержательность неслучайна постольку, поскольку она есть следствие непонимания существенных черт новой культурологической концепции, как ее ни назови. В-третьих, жонглирование категориями «прошлое», «настоящее» и «будущее» связано с вполне определенными целями интеллектуального и политического порядка. Это значит, что размывание границ между временными состояниями позволяет как угодно интерпретировать сущее, выдвигать какие угодно концепты, обосновывать системы ценностей, не коренящиеся в действительности.

Несколько иную интерпретационную модель предлагает, например, метамодернист (как он сам себя позиционирует) Дж. МакДауэлл. Ключевой категорией яв-

ляется все та же «культура чувств», которая в нынешнем веке совершенно иная, чем в прошлом столетии. Мало того, эта культура чувств «находит свое выражение в терминах «аффективной и тональной логики» (термины автора). Таким образом, метамодернизм фиксирует новый «тип чувственности», который, например, в кино отражается в форме «модальной комбинации мелодрамы с комедией», комедии положений и фарса, интереса к детству и невинности [1, с. 99–100]. Понимания специфики «аффективной и тональной логики» не существует, ее можно «додумывать». К слову, типов чувственности может быть сколько угодно много. Автор статьи приводит примеры из фильмов, где происходят странные метаморфозы, восходящие к проблемам подсознания и «новых» проявлений чувств (скажем, подробно описывается, как одна из героинь не испытывает оргазма и достигает своей цели в ночном клубе). Но главное в ином: на наш взгляд, происходит замещение привычных ценностей гуманистического, христианского содержания ценностями подсознания, неким своеволием. Констатируется это так: «перед нами непокорный оптимизм, искреннее участие, перед лицом имплицитно признаваемого потенциала для отчаяния, крушения иллюзий или ироничной отстраненности» [1, с. 119]. Получается, что метамодернизм фиксирует недостаточность («устарелость») той культуры чувств, которая традиционна и связана с гуманистическими и христианскими ценностями, выдвигая на передний план нечто совершенно новое. Например, аффекты подсознания, скрытые комплексы, такую глубину, которая у ряда граждан вызывает непонимание. Достижение оргазма героиней одного из фильмов, о котором говорит автор статьи, «несет надежду», и в этом главное содержание и смысл повествования. Здесь, конечно, многое зависит от целеполагания читающих (смотрящих) субъектов, но не кажется ли, что смысл и цель чрезвычайно узки, локальны, преходящи? Если в этом действительно смысл и цель культуры, «новой» структуры чувств, то мир явно обеднел, «съежился». Хотя, с точки зрения метамодернистов, мир, наоборот, углубился за счет аффектов и историчности.

Очевидно, что здесь мы можем фиксировать и борьбу (соперничество) различ-

ных ценностных ориентиров, столь популярную сегодня. Гендерная проблематика в различных формах навязывается обществу, в т. ч. и в форме подобных приведенному примеру с «терзаниями» главной героини. И речь здесь явно не о частном случае, не о примере одного и успешного поиска места в жизни. Речь идет о тенденции, замещении пласта ценностных ориентиров, основанных на традиционных (христианских, в частности) ценностях новым видением личных и социальных проблем.

В качестве еще одного примера обратимся к анализу текста «Возлюбленная Тони Моррисона и установление историоэластичной метапрозы» Джоша Тота. Речь о литературе, в частности, о том, что «невозможность точного представления заставляет читателя смириться со случайным и непостоянным характером всех нарративных действий» [1, с. 129]. Появляются категории вроде «пластичность прошлого», «пластичность настоящего», что означает разнообразные попытки интерпретационного осмысления и этого прошлого, и настоящего. Прошлое вовсе не таково, каким он запечатлелось в школьных учебниках, оно может быть иным, причем настоящее корректирует это прошлое, как корректирует его и сам читающий субъект. Иногда сознательно, иногда непроизвольно. Метапроза пластична: это основной посыл, основная категория. И сам по себе этот тезис может быть принят, вопрос о критериях истины здесь невозможен в принципе, главное заключается именно в самой возможности «пластичности» мировосприятия. Сложно определить: это положение относится ко всей мировой литературе или основано на новейших трудах постмодернистов. Конечно, несложно представить себе «Войну и мир», например, в категориях «пластичности»: здесь будут и проблемы с оргазмом у Наташи Ростовской, и путешествия в ночные клубы и «свальный грех» Андрея Болконского, но насколько это уместно, не кощунственно ли? Или же речь может идти только о произведениях последней поры, связанных с постмодернистскими изысканиями? Рассматривая роман Моррисона «Возлюбленная», автор эссе ограничивается таким замечанием: «Конечная интерпретация представляется, с одной стороны, необходимой, с другой – возможной (или видимой напе-

ред), даже несмотря на то, что сам роман отказывается предоставлять средства для ее легитимации» [1, с. 135]. В романе «конечной легитимации» нет, но она возможна. На основе чего? Ответить на этот вопрос непросто, но очевидно, речь идет о субъективном своеволии. «Призрачность», «бесконечная пластичность» и тому подобные вещи выдвигаются вместо определенности и ясности. Это и есть новое слово в литературе?

Человека преследуют призраки самого разного рода (прошлого, болезней, родителей, детей и т. д.), поэтому парадокс романа «заключается в том, что если нас что-то и посещает, то лишь обещание будущего без всякого призрака» [1, с. 137]. Неясно, правда, причем здесь «парадокс»: речь идет, скорее, о целеполагании, о некоем позитивном исходе проблем, что спорно. Квинтэссенция авторского подхода Моррисона заключается в следующей фразе: «Место для сомнений, обусловленное присутствием призрака, представляет собой пространство, где можно предъявить претензию, о чем-то поведать, придать новый облик истории» [1, с. 141]. Нельзя не согласиться, что в этом утверждении есть своя логика: я сам формирую и прошлое, и будущее, конечно, учитывая многочисленные влияния извне. В этом смысле я свободен в своем выборе, передо мной открываются безграничные возможности и в этом преимущества как постмодернизма в целом, так и метамодернизма в частности.

Заключение

Завершая краткий анализ, попробуем ответить, что же перед нами за феномен, какова его суть. Чтобы не говорить исключительно общеизвестные вещи (перед нами следствие развития постмодернизма, причем спорное следствие), приведем характеристику такого термина метамодернистов, как «супергибридность». Термин, скорее, политологического свойства, нежели философско-эстетического. «Термин “супергибридность” описывал набор творческих практик, предусматривающих использование огромного количества самых культурных разнообразных источников для создания произведения» [1, с. 151]. Таким образом, речь идет о возможностях Интернета, изучении разнообразных информационных практик.

Здесь много политики. Один пример: обращаясь к событиям на Украине в 2014 и последующие годы, ряд метамодернистов утверждают традиционные клише об агрессивности России, захвате Москвой Крыма и т. д. И примечательно, что, рассказывая о различных событиях и людях, метамодернисты делают верный вывод о том, что надо отличать правду от лжи, фейки от достоверной информации. Весь вопрос в том, что называть правдой, а что ложью – авторы материалов (и метамодернизм в целом) ответа на этот вопрос не дают. Странная вещь: трудно не согласиться, когда читаешь пафосные строки о том, что наши данные можно взломать, за нами можно наблюдать, мы становимся частью «полуавтоматического процесса». Однако ответить на вопрос, как избежать подобного, нет. Перед нами описание самой технологии «супергибридности»: «Это название метода, использующего или эксплуатирующего технологически ускоренные возможности слияния в одной точке различных источников или влияний» [1, с. 178], и с авторским анализом можно в целом соглашаться. Остается наблюдать за данными процессами с целью выявления догматических, тоталитарных концепций общества. Закономерно, что пафос здесь направлен против России. Заме-

тим попутно, что, полемизируя с марксизмом, автор одной из статей замечает: «Раз нет движения к светлому будущему, то нет и неизбежного возврата к темному прошлому» [1, с. 180]. Здесь все недоказуемо: и отрицание движения к светлому будущему (почему бы и нет?), и то, что из первого тезиса вытекает второе утверждение.

Перед нами обычный для метамодернизма симбиоз интересных наблюдений и сложно доказуемых тезисов, попытки найти целостную системную теорию с плохо связанными друг с другом совершенно новыми категориями, интеллектуальная глубина и достаточно спорные суждения, нуждающиеся в дополнительной апробации. Собственно, авторы, придерживающиеся данной теории, сами и не раз отмечали противоречивость своих теоретических построений. Тогда что перед нами – игра ума, ненужное формотворчество или что-то иное? На наш взгляд, перед нами попытка придать новый импульс постмодернистским исканиям, иногда пронизательным, чаще – спорным. Ролан Барт как-то заметил, что некоторым буддистам удается в одном бобовом зерне разглядеть целый пейзаж [4, с. 45]. Метамодернизм все же не похож на «бобовое зерно» Р. Барта.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аккен, Р. ван дер. Метамодернизм. Историчность. Аффект и глубина после постмодернизма / Р. ван дер Аккен ; пер. с англ. и вступ. ст. А. В. Павлова. – М. : РИПОЛ классик. – 2020. – 496 с.
2. Свасьян, К. А. Феноменологическое познание. Пропедевтика и критика / К. А. Свасьян. – М. : Акад. проект, 2010. – 206 с.
3. Джеймисон, Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма / Ф. Джеймисон // Философия эпохи постмодерна : сб. пер. и рефератов / сост., ред. А. Р. Усманова. – Минск : Красико-Принт, 1996. – С. 117–137.
4. Барт, Р. S/Z / Р. Барт ; под ред. Г. Косикова. – М. : Акад. проект, 373 с.

REFERENCES

1. Akken, R. van der. Metamodernizm. Istorichnost'. Affiekt i glubina poslie postmodernizma / R. van der Akken ; pier. s angl. i vstup. st. A. V. Pavlova. – M. : RIPOL klassik. – 2020. – 496 s.
2. Svas'jan, K. A. Fienomienologichitskoje poznanije. Propiedevtika i kritika / K. A. Svas'jan. – M. : Akad. projekt, 2010. – 206 s.
3. Dzheimison, F. Postmodernizm, ili Kul'turnaja logika pozdniego kapitalizma / F. Dzheimison // Filosofija epokhi postmoderna : sb. pier. i riefieratov / sost., ried. A. R. Usmanova. – Minsk : Krasiko-Print, 1996. – S. 117–137.
4. Bart, R. S/Z / R. Bart ; pod ried. G. Kosikova. – M. : Akad. projekt, 373 s.